

Куранов Артем

Кандидат филологических наук, Региональная Общественная Организация содействия в сохранении удинского языка, культуры, традиций – «Община удин». Российская Федерация, г. Москва

ДРЕВНЯЯ ЛЕКСИКА УДИНСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ

Удины – народ, история которого до сих пор полностью не написана. Удинский язык, как отмечал академик А. С. Чикобава, «исторически имел значительно большее распространение, представляя собой один из пережиточно сохранившихся языков древней Кавказской Албании» [9; 10]. Язык, материальная и духовная культура, фольклор удин на протяжении многих веков формировались и развивались во взаимодействии и тесном контакте с другими племенами и народами, населявшими Закавказье и Переднюю Азию, в ареале распространения кавказских, тюркских, индоевропейских, семитских и других языков. Следы этих контактов сохранились до сих пор в удинском языке.

Лексика любого языка, особенно бесписьменного, является отражением прошлого языка, его исторических и территориальных связей. Пролить свет на этническую историю и языковую ситуацию на смежных территориях различных языков и диалектов, а также на общность их исторических судеб, особенно при недостатке данных археологии и антропологии, могут помочь методы и принципы сравнительно-исторического языкознания в качестве возможных альтернативных источников. Сравнительно-историческое и генетическое исследование удинского языка представляет в данном аспекте чрезвычайно большое значение для науки.

Так, Г. А. Климов, в своей монографии «Основы лингвистической компаративистики» [4; с.20] отмечает: «если учесть, что первая фрагментарная документация нахско-дагестанских

языков восходит в большинстве случаев к позднему средневековью, то нетрудно увидеть, какое значение имела бы для нахско-дагестанского языкознания дешифровка памятников агванского («кавказско-албанского») письма, относящихся к VI – VIII столетиям и отражающих, как принято считать, древнее состояние удинского языка».

Взаимоотношения кавказских языков, в том числе удинского, с индоевропейскими и хурритско-урартскими языками имеют очень древнюю историю. Об этом ясно свидетельствуют лексические параллели между этими языками, которые затрагивают самый древний пласт лексики удинского языка. Приведем в качестве примера удинские лексические единицы, имеющие индоевропейские параллели: *бурух* – гора, *уше* – ночь, *усен* – год, *кlorи* – кривой, *къари* – сухой, *къарзагъ* – скорлупа, *ул* – волк, *ус* – бык, *уъхъ* – шесть, *оъкъ* – ярмо, *еъбсун* – шить, *беъгъ* – солнце, *тастlун* – давать, *дурут1* – бревно, *цlил* – уголь (раскаленный), *цlалдесун* – сверкать, сиять, *цlаъкъ* – молния и др. Примеры хурритско-урартских и удинских лексических параллелей (зачастую они перекликаются с индоевропейскими): *шаьин* – мокрый, *tlet/ийа* – там, туда, *кул* – рука, *тур* – нога, *чlаьлай* – лес, *ма* (отрицательная частица) – не, нет, *цlи* – имя и др.

Рассмотрим некоторые из этих примеров.

Бурух – «гора»: используемые в этом значении в дагестанских языках лексемы *беча*, *беса*, *сув*, *сив*, *сыв*, *сыва* генетически общего проис-

хождения [СИЛДЯ, 1971, с.183] и не находят корреляции с удинским. Удинская лексема, как нам кажется, восходит к индоевропейским корням. Сравнить: и.-е. *bherēg'h-* – «высокий, возвышенный», *bherēg'hos* – «гора», отсюда в нахских языках бардз – «холм, насыпь», с этой же основой связывают груз. *brge* – «высокий, представительный (мужчина)».

Klori – «кривой» и *Каьртстун* – «резать» восходят к и.-е. *Ker-* со значением «крутить, скручивать, сплетать» и родственной основе *Ker-* со значением «резать»; от этой же основы происходит удинское *Klerей* – «тесак с длинной ручкой».

Как известно, удинский язык с самых древнейших времен, так или иначе, соприкасался с картвельскими языками. М. Ш. Халилов в своей монографии «Грузинско-дагестанские языковые контакты» отмечает, что «прежде всего следы взаимоотношений [грузинско-дагестанских. – А.К.] отчетливо выразились в лексике, особенно в удинской, поскольку значительная часть удинского населения в течение нескольких столетий была связана с Грузией, причем в силу конфессиональных соображений и в пределах Восточного Кавказа престижную роль играл староудинский – древний язык Кавказской Албании» [8; с.239]. Эти отношения не были односторонними. Так, Г. А. Климов фиксирует в грузинском литературном языке лексему *боквени* «пах», восходящую к удинскому *бухъун* «живот, брюхо» [3; с.187]. Академик А. С. Чикобава (1953) связывает древнегрузинское *бгъвар* (< *бе-гъв-ар-и*) «юг, солнечная сторона» с удинским *беъгъ* «солнце» и другими дагестанскими однозначными основами. Грузинское *хинкали* «пельмени» исследователи (Т. Е. Гудава, К. Ш. Микаилов, Г. А. Климов) также относят к общедагестанскому *хинкI* и считают заимствованием во множественном числе из аварского – *хинкIал* в том же значении. В удинском в этом значении зафиксировано два слова – *хинкIал* и *гаьрц*, причем второй вариант был заимствован из удинского ингилойским диалектом грузинского языка. В работах Г. М. Иманайшвили, В. Т. Джангидзе, Г. А. Климова отмечается еще целый ряд лексических единиц

удинского языка в ингилойском диалекте, таких, как: *гьетаьр* – «как», *кIан* – «порог», *кIамIар* – «кокошник», *магъай* – «сюда», *майзар* – «передник», *мIаьнкIумI* – «корзина», *мIумIунI* – «дикий гранат», *чIукI* – «сучок», *шумIупикI* – «легкомысленный» и др. [3].

Приведем в качестве примера еще две картвельско-удинские лексические параллели. Г.А.Климов в своей работе «Этимологический словарь картвельских языков» [Климов, 1964, с.149] считает вероятным сближение картвельской основы *obol-* – «сирота» с и.-е. *orbho-* – «осиротевший, сирота». Удинская именная и глагольная основа *оро-//оре-* со значением «обида, ссора» и прилагательное *горох* – «одинокий, жалкий» также, вероятно, восходят к и.-е. основе *orbho-*. Удинское *хари* – «мука» тоже, как нам кажется, связано с индоевропейской основой *gher-* – «тереть» (ср. греч. *χέυχρος* «просо, просяное зерно», *χαχρύς* «сушеное ячменное зерно», англ. *grot* «крупная мука»). С этой же основой связывают и картвельское *very-* – «молоть крупно».

В лексике удинского языка сохранились свидетельства самых тесных контактов удинского и азербайджанского языков с древних времен. Влияние азербайджанского языка на удинский достаточно хорошо изучено. Более того, в удинской лексике в виде заимствований сохранился целый ряд древнеазербайджанских (древнетюркских) слов, которые вышли из употребления в языке-источнике в ходе его дальнейшего развития, что повышает значение этих свидетельств для изучения истории азербайджанского языка.

Интересен и такой факт, что среди племен, населявших Кавказскую Албанию, Фарида Мамедова перечисляет чилбов, хазар, гугаров, баласачи, шаков, гатов [6; с.92, 96, 99, 118]. Все эти этнонимы представлены в удинском языке как патронимы *Чалабари*, *Къаьзаьри*, *КIукIари*, *Баласани*, *Шаккъулари* и как родовое прозвище *КъаьтI*. Сюда же можно отнести и патронимы *Айруми*, *Ширвари* и *Шабари*. Среди старожилов Ниджа еще в 50–60-х гг. XX в. бытовало мнение, что определенная часть сегодняшних удинских родов – это потомки переселенцев из различ-

ных районов Азербайджана, в частности из Карабаха, с.Кирзан Тавузского района, других населенных пунктов исторических Шекинского, Габалинского и других округов. По всей видимости, действительно это были люди, когда-то оказавшиеся перед дилеммой принять ислам или ассимилироваться с армянами, и выбравшие третий путь – переселиться в Нидж, к удинам, которые сохранили свой язык, веру и этнокультурную идентичность.

Показательным с точки зрения сохранения в удинском языке древнеазербайджанской (древнетюркской) лексики представляется эволюция удинской антропонимической системы в связи с воздействием на него языкового окружения. Удинский язык заимствовал большое количество личных имен из азербайджанского, подвергнувшись значительному изменению под влиянием ислама. В результате в удинском языке сохранились азербайджанские личные имена древнетюркского происхождения, которые не встречаются в современном азербайджанском именнике: Аklar, Багъай, Кушман, СиликI, ЧанкIа, ЧюкIи, Джюми и др.

Другая весьма интересная, но, на наш взгляд, слабо исследованная область для анализа взаимоотношений между азербайджанским и кавказскими в целом и удинским в частности языками являются диалекты и говоры азербайджанского языка. Даже поверхностное знакомство с их лексикой дает представление об их богатстве и разнообразии.

Вот несколько примеров лексических параллелей между удинским языком и шекинским диалектом азербайджанского языка: афар – тонкий пирог, *кIада* – старший брат, *кързагъ* – скорлупа, *кIотIман* – стог, *къуда* – сват, *къижавъ* – папоротник, *тIопIи* – небольшой кувшин, *аьнгуьштIаьн* – наперсток, *когъа* – длинная палка с крюком, *куькуь* – яичница, *гимгаь* – место сбора людей, *лаьмбаь* – колючий кустарник, *мишоол* – крыса, *пор* – плесень, *пота* – поросенок, *тап* – мятый (о фруктах), *тилишкIаь* – заноза, *щепка*, *уруф* – дух, память, *джуьрдаькI* – кувшин, *шакъкъа* – квартал, *хаьраьй* – куча.

Афар в азербайджанском встречается только в шекинском диалекте, в деревнях Баш

Кюнют, Баш Гейнюк, Гышлаг и Охуд [Islamov, 1968, s.235] со значением «кутаб, пирожок с зеленью». Слово «кутаб» на азербайджанском языке используется повсеместно. Кстати, за последнее время это блюдо стало очень популярно в России, а слово вошло в активный словарь русского языка. В удинском «афар» обозначает «тонкий пирог с начинкой из молодой крапивы и грецкого ореха» – популярное у удин весеннее национальное блюдо. В шекинском диалекте это слово, как нам кажется, является заимствованием из удинского.

Шекинское диалектное *кързагъ* – скорлупа, в удинском используется в значении «скорлупа ореха, яйца». К этой же основе, как нам кажется, восходят удинские *къари* – сухой, *къарт* – сухой, жесткий, а все они соответствуют и.-е. основе *кар-*, *каркар-* – «жесткий» (ср. урарт. *Qarqara (ni)* – «панцирь», др.-инд. *karka-h* – «рак», греч. *χάρουον* – «грецкий орех», груз.-зан. *қrқо-* – «желудь», *қurқа-* – «косточка (плода)).

Исследование влияния удинского языка на лексику диалектов азербайджанского языка, как нам кажется, может представлять значительный научный интерес. Здесь представляется огромная область работы для этимологов. Ведь серьезных и специальных исследований по этимологии как азербайджанского, так и удинского языков на сегодняшний день нет или их очень мало. В этих диалектах наверняка сохранились следы староудинской лексики. Напомним, что известный ученый из Германии Вольфганг Шульце отмечает три варианта староудинского языка, бывших в употреблении приблизительно с 300 г. н.э. на территории современного Азербайджана. Этимологическое исследование лексики удинского языка, азербайджанского языка и его диалектов может помочь реконструкции реликтовых утраченных форм удинской лексики. А это в свою очередь может помочь в расшифровке старинных письменных памятников таких, как Палимпсест с горы Синай, о котором Вольфганг Шульце пишет: «Большая часть, как лексики, так и морфологии может быть связана с удинским языком, если быть точнее – с Ниджским вариантом

этого языка. С другой стороны, язык Палимпсеста сохранил старые лексические и морфологические черты, которые утеряны в сегодняшнем удинском языке».

Удины – единственный из этносов Кавказской Албании, который сохранил не только свое этническое название, но и христианскую веру. Как известно, в Кавказскую Албанию христианство начало проникать во I в., став государственной религией в первой половине IV в. И как отмечает Р. Б. Геюшев в своей монографии «Христианство в Кавказской Албании», «господствовало в стране до VIII в., т.е. до того времени, когда основная часть территории Албании была завоевана халифатом, и часть населения уже начинала подвергаться исламизации. Однако, Албанский католикосат продолжал свое существование вплоть до 30-х гг. XIX в. в тех районах страны, которые по разным причинам не подвергались исламизации» [Геюшев, 1984]. Тем не менее, религиозная терминология слабо представлена в лексике удинского языка. Этому есть свои объективные причины. После установления Советской власти в Азербайджане удины были лишены возможности отправлять религиозные обряды, отмечать праздники, читать религиозную литературу. Следует подчеркнуть, что даже в Словаре Старчевского 1891 г. представлено всего около 4-х десятков слов религиозного характера, большинство из которых к таковым можно отнести весьма условно, и значительная часть которых является заимствованиями, в основном из азербайджанского: бухаджугъ – бог, гергец/ – церковь, храм, даьфт/аьр – Евангелие, ахц/има – Святая неделя, беъиънш/ – священник, хачкрест, хачбесун – креститься, хачбаба – крестный отец, дуабесун – молиться, Иъвеъл – Свя-

той, Догъри – истинный, горохегъал – милосердный, фаъришт/аь – ангел, кала фаъришт/аь – архангел, аркер – архипастырь, гуънагъ – грех, елмух – дух, джан – душа, неъиъш/ – жертва, паъраьнгаънаь – Масленица, п/ат/арак/ – обедня, гурух – пост, чираг – свеча, к'ууллуг – служба и т. д.

Сегодня удины имеют все возможности для свободного и счастливого проживания в составе братских народов демократического Азербайджана. Во всех сферах жизни они ощущают по отношению к себе толерантность и поддержку властей. За последние годы в с. Нидж построена прекрасная школа, отреставрированы церкви в Нидже и Огузе, в них проходят религиозные обряды и отмечаются религиозные праздники. Свободно и беспрепятственно функционируют религиозная община и национальное общество. Возрождение забытых религиозных обычаев, традиций, праздников возвращает удин к истокам своей культуры, духовным ценностям, служит большим стимулом для морального и духовного подъема, для понимания ими того, что удины, хоть и являются совсем малочисленным этносом, но в истории Азербайджана с самых древнейших времен – со времен Кавказской Албании – у них есть свое достойное место.

Удинский язык, перешагнув через тысячелетия, представляет собой ценный источник информации по истории, культуре, обычаям племен и народов, населявших территорию современного Азербайджана в глубоком прошлом. Сбор этнографического материалов в настоящее время активно ведется удинским культурным центром «Ораин» и его руководителем Олегом Данакари.

ЛИТЕРАТУРА

1. İslamov M. Azərbaycan dilinin Nuxa dialekti. Bakı, 1968.
2. Геюшев Р. Б. Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984.
3. Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
4. Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики. М., 2009.
5. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964
6. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986.
7. СИЛДЯ – «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
8. Халилов М. Ш. Грузинско-дагестанские языковые контакты. М., 2004.
9. Чикобава А. С. Введение в языкознание. М., 1953, ч.1.
10. Чикобава А. С. К этимологии древнегрузинского *bgvar-i-samxar-i* «юг». ИКЯ. Тбилиси, 1953а.